

*«Мне не хватало этой книги,
я ее ждала – и дождалась».*

НАТАЛЬЯ БЕХТЕРЕВА

Виктор Тен

ЧЕЛОВЕК ИЗНАЧАЛЬНЫЙ
из пены морской

Москва
2019

УДК 572.4
ББК 28.71
Т33

Тен, Виктор Викторович.

Т33 Человек изначально. Из пены морской / Виктор Тен. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-100228-2

Эта книга-вызов «обезьяньим» эволюционистам, которые превзошли поборников творения в нежелании видеть упрямые факты: чем старше ископаемые гоминиды, тем ближе они к современному человеку. Строение нашего тела и мозга заставляет искать его происхождение не в саванне и джунглях, а на границе суши и воды. Десятилетие назад эта гипотеза произвела переполох в академической науке, особенно после поддержки Виктора Тена ученым с мировым именем Натальи Бехтеревой. Ныне все больше специалистов готовы признать его правоту.

Вместе с автором вы проследите поразительные метаморфозы первых приматов, застигнутых разливом и последующим обмелением океана. Порадуетесь «золотому веку» дельфинид — баловней прибрежных лагун, где они провели миллионы лет, чтобы выйти на сушу в почти сложившемся облике современного человека. И найдете множество доказательств того, что навязанные нам «предки» человека — всего лишь представители деградировавших ветвей.

Удивительные черты морфологии человека о которых никто, никогда и неизвестно почему не задумывался, — в книге, переворачивающей представления об эволюции *Homo sapiens*.

УДК 572.4
ББК 28.71

ISBN 978-5-04-100228-2 © В.В. Тен, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

БЛАГОДАРНОСТИ

Вы держите в руках дополненное и переработанное издание книги «Из пены морской. Инверсионная теория антропогенеза». Вскоре после ее выхода летом 2006 года в моей квартире раздался самый неожиданный в жизни звонок. Звонила Наталья Петровна Бехтерева. Она только что прочитала мою книгу «Из пены морской. Инверсионная теория антропогенеза». Слова, которыми она характеризовала мое скромное исследование, повторить не могу, но ее последующее поведение может дать представление. Она хотела познакомиться как можно скорее, и мы, конечно, встретились, а потом встречались почти еженедельно в течение двух лет до ее прискорбной, неожиданной кончины. Неожиданной, потому что до последних дней Наталья Петровна сохраняла острый ум и недюжинную память. В своей «белой» гостиной, оформленной морскими пейзажами, она читала мне «Фауста» на языке Гёте. Я мог позвонить ей в любое время — мало кто может оценить такое благо: возможность получить консультацию по любому вопросу нейрофизиологии у одного из лучших в мире специалистов! Узнав, что испытываю трудности с полными текстами иностранных статей, Наталья Петровна начала оказывать помощь, о которой я никогда не осмелился бы попросить академика: выбирала из журналов, получаемых Институтом мозга человека РАН, статьи, которые, по ее мнению, могли представлять интерес для меня, и присылала копии. Наконец, она написала отзыв о моей книге, который начинается словами: *«У меня возникло ощущение уже после первых десятков страниц, что мне не хватало этой книги, что я ее ждала — и дождалась»*. А в конце: *«Все долгие десятилетия научной жизни, вся моя интуиция, которая вела меня по ней, все —*

за эту глыбу, за представленную Теном теорию антропогенеза». Моя первая благодарность — ей, великому ученому, лишённому гордыни и предубеждений, с независимым, свободным умом, который ценили и уважали во всем мире.

Второй неожиданный звонок был от Г.Ф. Сунягина, профессора СПбГУ: «Где вы защищали докторскую, почему мы о вас до сих пор ничего не слышали?» Узнав, что я даже не кандидат, он удивился: «Это надо немедленно исправить!» Разумеется, я отказался лезть в толпу аспирантов в своем, скажем так, неаспирантском возрасте. Герман Филиппович позвонил еще дважды. Наконец, уговорил приехать в университет, где вручил мне прикрепление к соискательству для защиты на бюджетной основе. Такая опция существовала тогда только для сотрудников СПбГУ. Долгих лет жизни вам, дорогой мой Герман Филиппович! И разумеется, вашей прелестной супруге, историку Белле Григорьевне, и глубокая благодарность ей за отзыв о моей книге о Пушкине.

Благодарю за деятельную поддержку в диссертационном процессе проректора по научной работе СПбГУ профессора Н.Г. Скворцова, почетных профессоров СПбГУ В.П. Бранского, В.Г. Марахова, Б.В. Маркова, К.А. Рогову, профессоров М.Е. Кравцову, К.С. Пигрова, М.В. Попова, Ю.М. Романенко, П.Н. Хмылева. Отдельная благодарность ученым других вузов: членкору РАО А.П. Валицкой, профессору Е.К. Маранцман (РГПУ), профессору В.В. Костецкому (НГУ им. Лесгафта), профессорам И.Ф. Кефели, А.П. Мозелову (БГТУ им. Устинова), а также профессору Б.И. Иванову (Институт истории естествознания и техники РАН), доктору биологических наук В.В. Зюганову (Институт биологии развития РАН, Москва), доктору исторических наук А.И. Сапожникову (РНБ).

Еще одним неожиданным подарком судьбы стало знакомство с Александром Михайловичем Агаповым, доктором технических наук, директором Департамента ра-

диационной безопасности «Росатома», который не только одарил своей дружбой, но и осуществил издание самой большой моей книги — «Археология человека».

И наконец, четвертый подарок — встреча (опять книга виновата!) с выдающимся ученым, изобретателем (9 авторских свидетельств, 4 международных патента), кандидатом физико-математических наук, директором по научным и техническим вопросам АО «Медел» М.С. Моргуновым. Без просьб с моей стороны он инициировал и профинансировал издание книги «Прощай, обезьяна», наше сотрудничество продолжается и сегодня.

Много лет использует свое влияние для продвижения инверсионной теории антропогенеза Александр Секацкий, которого интеллектуалы двух столиц называют «самым значительным российским философом XXI века».

Благодарю за приветливое участие народного артиста России Игоря Борисовича Склера. Внимание столь талантливого, умного, образованного человека имело для меня значение.

Неожиданную моральную поддержку я получил из Екатеринбурга, где вышла популярная книга нейролога, кандидата медицинских наук С.А. Лавровой. В книге о моей теории говорится, что она «связана с медициной, как пуговица с петлей». Книга выдержала два издания, в том числе в Москве (Лаврова, 2014, с. 27). Отмечаю это как факт научного мужества: уже первое издание подверглось жесткой критике за смелость.

Отдельная благодарность за поддержку и ценные консультации: доктору биологических наук, зав. кафедрой нормальной физиологии Российской медицинской педиатрической академии, автору многих монографий и учебников Ю.П. Пушкареву; доктору медицинских наук, профессору Военно-медицинской академии Е.А. Солдатову, доктору (phd, психология) М. Глазунову (Англия), доктору (phd, биология) А. Малкину (Израиль), доктору (phd, нейробиология) Д. Шейниховичу (Университет Кьюри, Па-

риж), кандидату исторических наук С.В. Жарниковой, кандидату технических наук С.И. Сребрянскому, кандидату медицинских наук, начальнику Научно-исследовательской лаборатории клеточных технологий Военно-медицинской академии И.А. Иванову, врачу высшей категории А.М. Моховикову.

Благодарю за помощь в продвижении важных для меня статей профессоров И.А. Гобозова (МГУ), В.А. Конева (Силезский университет, Польша).

Я был бы бесчувственным шимпанзе, если б не поблагодарил доктора психологических наук, профессора Медицинской академии им. Мечникова, главного редактора журнала «Вестник психофизиологии» О.С. Булгакову.

А также мою жену Татьяну, которая никогда не забывала напоминать, что, кроме принципиальных отношений с людьми, должны быть еще и личные.

Наконец, хочу выразить благодарность редактору этой книги В.Н. Ильину за настойчивость, с какой он убеждал меня взяться за переработку вышедших книг для их нового издания.

Глава I. ДАРВИН И ДАРВИНИСТЫ

Моцарт и Сальери эволюционной антропологии

В 1857 году известный естествоиспытатель, автор книги о путешествии на корабле «Бигль» Чарльз Дарвин получил большой пакет. Его прислал Альфред Уоллес, молодой человек, еще не достигший тридцати лет. Дарвин, бывший в возрасте Сальери, т. е. на целое поколение старше Уоллеса, был поражен и отчасти сокрушен содержимым. Данное сравнение корректно, потому что уже доказано, что Сальери Моцарта не убивал, хотя завидовал его таланту и той легкости, с которой он творил. Сам Сальери был трудолюбивым, писал много, трудно, посредственно.

Молодой путешественник и естествоиспытатель, будучи застигнут приступом малярии в Малакке, за несколько недель вынужденного бездействия создал то, над чем Дарвин работал уже более десяти лет: теорию эволюции видов! Только через год Дарвин принес трактат Уоллеса и свою книгу в Линнеевское общество, которое после рассмотрения решило, что у Уоллеса приоритет. Дарвин был обижен: мол, как же так, я уже десять лет корплю, а юноша раз — и выдал теорию играючи! Уоллес, пожалев трудолюбивого старика, отказался от приоритета («Если мистер Дарвин приложил столько усилий...») и даже не стал возражать против того, что Дарвин использовал его меткие определения в качестве названий глав своей книги. Он был настолько великодушен, что сам ввел термин «дарвинизм» как обозначение теории эволюции, основанной на естественном адаптивном отборе и изменчивости видов.

Но дальше их пути разошлись. Дарвин начал корпеть над третьим гроссбухом — о происхождении человека. Уоллес заявил, что постепенной эволюцией происхождение всех видов объяснимо, а вот происхождение человека — нет. Происхождением от обезьян не объяснить прямохождение, голое тело, а главное, мозг. Даже если получится объяснить происхождение тела, камнем преткновения остается сознание. Оно не могло получиться «мало-помалу» путем естественного отбора. Дарвин, как ему казалось, нашел выход: в происхождении человека решающую роль сыграл не естественный отбор, а половой. Его третья книга, которую он писал 11 лет, так и называется: «Происхождение человека и половой отбор».

Не надо думать, будто Уоллесу его открытие пришло в голову на пустое место. Его опыт практического натуралиста был богаче, чем у Дарвина. Он был сыном бедного человека и с юности зарабатывал на жизнь самостоятельно. В середине XIX века европейские зоопарки и ботанические сады только-только начали формировать свои коллекции. Храбрые парни ездили в джунгли, в пустыни, забирались в горы, собирая по всему свету и продавая коллекции раковин, растений, животных. Одним из них был Уоллес. Он не имел возможности получить высшее образование. Дарвин принадлежал к обеспеченным кругам, окончил престижный университет, имел время для научных занятий, т.к. проблема денег его не волновала. У Дарвина была только одна экспедиция на корабле «Бигль», где он находился в качестве гостя, богатого джентльмена, с ежедневными размеренными завтраками, обедами, ужинами в кают-компаниях. Уоллеса запросто могли съесть самого, он ежедневно рисковал жизнью и здоровьем.

Уоллес по взглядам был демократом, добивался избирательных прав для женщин, считая их равными мужчинам, осуждал колониализм. Дарвин, судя по книге о человеке, являлся носителем типичных предрассудков английского сквайра. Добропорядочному английскому джентльмену

в те времена полагалось недолюбливать ирландцев, считать английский колониализм благом для «дикарей», считать женщин существами более низкого сорта, верить в Бога. Если из его книги убрать науку и оставить идеологию, то эти тогдашние европейские ценности и составляют ее содержание. Науки, в смысле теории, в ней, собственно, кот наплакал.

Дарвин применяет в ней тот же метод, что и его современник Маркс: логические доказательства подменяет многочисленными примерами. Доказательство — это король теории. Примеры — это свита, играющая короля. Но если короля нет, примеров тоже нет, есть сумбурный набор фактов. Маркс, доказывая свой «всеобщий закон капиталистического накопления», гласящий, будто по мере развития капитализма на одном полюсе будет накапливаться богатство, на другом нищета, вместо логики подставляет примеры тяжелого положения рабочих, взятые из газет. Значительная часть «Капитала» — вырезки из газет. Логика, что по мере развития капитализма рабочие станут основным населением и поэтому их благосостояние должно расти, а иначе кто будет покупать товары, Марксу мешала, и он ее третировал: ругался со всеми, кто такое говорил, употребляя почти нецензурные оскорбления (стоит почитать его полемику с графом Дестют де Траси). Именно на этом «законе», не доказанном логически, но проиллюстрированном выборочными примерами, зиждется «теория научного коммунизма» — ложная, как показала практика. Но это не касается марксовой политэкономии, хорошо обоснованной логически и подкрепленной примерами. Ее правоту жизнь, наоборот, подтвердила. Мир до сих пор развивается по открытым Марксом политэкономическим законам. Беда Маркса была в том, что он увлекся и залез в ту сферу, в которой был некомпетентен. То же самое произошло и с Дарвином.

Дарвин, выдвинув гипотезу полового отбора как основного в эволюции человека, приводит многочисленные при-

меры из жизни животных, особенно птиц, а не логические обоснования, почему у человека такой особый путь (здесь он целиком полагался на Бога, на которого у него ссылок больше, чем на любого другого автора). Если его книга «Происхождение видов» методологична (тезис — логическое обоснование — примеры), то книга «Происхождение человека» обходится без логики, а это значит, что теории в ней нет, но много такого, за что современного автора в Европе привлекли бы к суду.

«...Беспечные, безнравственные и часто порочные члены общества размножаются быстрее, чем осмотрительные и вообще добродетельные члены его, — пишет добрый дедушка Дарвин, приводя в подтверждение цитату из труда «мистера Грега»: «Беззаботные, ленивые, непредприимчивые, не стремящиеся ни к чему ирландцы размножаются, как кролики...» (Дарвин, 1953, с. 249, 250).

Непрерывно полемизируя с Уоллесом, Дарвин стремится выставить «дикарей» (он употребляет по отношению к первобытным людям это слово, хотя уже в XIX в. многие авторы использовали менее оскорбительные выражения) переходным звеном в непрерывной цепочке от обезьян к цивилизованному человеку. Поэтому, с одной стороны, он отдает должное их уму, изобретательности, мужеству, с другой — пытается доказать примерами, будто они имеют много общего с животными, и делает это весьма удивительно для нас, но типично для англичанина его времени.

Он подробно анализирует снижение численности австралийцев, маори, тасманийцев, жителей мелких захваченных англичанами островов и приводит причины демографических катастроф: болезни, распушенность женщин, высокая детская смертность вследствие небрежного ухода. Много внимания Дарвин посвящает благодеяниям английского правительства. Например, когда тасманийцев остались единицы, их семьи, имевшие более трех детей, были освобождены от налогов! Но почему в живых не

осталось ни одного тасманийца при такой деятельной заботе цивилизованных англичан? Дарвин объясняет и это: «Здоровье многих наиболее диких человеческих рас сильно страдает при изменении условий и образа жизни... Изменения в образе жизни, которые сами по себе кажутся не вредными, по-видимому, сопровождаются тем же результатом... Дикарь в этом отношении, по-видимому, так же восприимчив, как его ближайшие родичи, человекообразные обезьяны, которые, будучи увезены из своей родины, как известно, никогда еще не выживали долго» (Дарвин, 1953, с. 293, 294).

О том, что колонисты вели загонные охоты на туземцев, как на животных, не видя разницы, Дарвин ничего не пишет, хотя это не было секретом, как и армейские операции с пушками против аборигенов с бумерангами и деревянными копьями. Своими охотами на «дикарей» колонисты, в большинстве каторжники, бахвалились. Победоносные операции английских полков в колониях освещались в прессе. Согласно мнению Дарвина, «невредные изменения» образа жизни вызвали почти полное самоистребление дикарей. Мол, сами себя истребили распущенностью и небрежным уходом за детьми и тем доказали, что они почти что обезьяны. И это его главный теоретический козырь в полемике с Уоллесом, уверявшим, что между обезьянами и первобытным человеком непреходимая пропасть! Дарвин считал, что различие «только количественное, а не качественное». Удивительно, но современные дарвинисты слово в слово повторяют этот тезис. Например: «Разница между мышлением человека и других животных все-таки в степени, а не в качестве» (Марков А., 2011, с. 44). В таком случае всегда возникает вопрос: автор себя имеет в виду, не видя качественной разницы между мышлением шимпанзе и своим собственным, или только «дикарей»? Если г-н А. Марков имеет в виду себя, то я не удивляюсь.

Для доказательства решающей роли полового отбора были необходимы примеры, когда появляются признаки,

не объяснимые естественным отбором, т.е. неадаптивные. Дарвин приводит всего несколько таких примеров среди млекопитающих: разветвленные рога лося и лесных оленей, нос самца носатой обезьяны, нос самца морского слона, борода орангутана, грива льва, огромные горбы бизона и зубра, огромные клыки саблезубого тигра.

Все эти признаки на самом деле *объяснимы* естественным отбором!

Рога, прикрывающие почти все туловище, лосю и лесным оленям необходимы не только для драк между самцами, но и для того, чтобы не стать добычей барса, рыси, росомахи, которые прыгают с деревьев на круп, а также для обороны от стаи волков: для этой цели подходят именно разветвленные рога.

Носачи — это водные обезьяны, им длинные носы необходимы для ныряния: они успевают достать добычу из-под воды, пока вода течет через ходы длинного носа.

Большой нос морского слона не является лишним в битве за территорию с другими самцами. Именно он подвергается атакам соперников. Этот вырост может разлохматиться в драках, но при этом животное останется здоровым. Матерый самец в период гонки несколько раз за день дерется с молодыми, горячими, неопытными. Он мог бы их всех убить. А так у них появляется шанс на следующий год. Благодаря этому род слонов не прерывается. Природа часто дает подобные отвлекающие приспособления самцам. Например, роскошный гребень у петухов, который и подвергается атакам: пошла из гребня кровь, и дуэль окончена. В планы творения не входит, чтобы самцы уничтожали друг друга. Такое вообще случается редко. Чаще имеют место быть щадящие варианты. Львы и коты бьют соперников когтями по ушам, но не трогают глаза (а собаке кот постарается выцарапать именно глаз). Олени не бьют друг друга рогами по бокам, т.к. это смертельно, но только по рогам. У этологов это называется «врожденные ограничения для действий в драке» (Дольник, 2011, с. 111,

112). Часто природа наделяет самцов каким-нибудь чисто демонстративным признаком, чтобы дело до драк не доходило вообще. Иногда соперничество представляет собой демонстрацию угрожающих поз. И это все — адаптивные признаки, потому что способствуют сохранению генофонда видов при наличии здоровой конкуренции. Соперничество особей — это проявление естественного отбора в чистом виде.

Бороды и гривы разных животных — это эффективная защита шеи снизу и сверху. Дарвин сам описывает случай, когда именно грива защитила льва от атаки тигра. Все горбы млекопитающих (верблюдов, зебу, бизонов, зубров и т. д.) — это резервуары питательных веществ и одновременно защита спины: вцепившись в горб, хищник не нанесет смертельной раны.

Клыки саблезубого тигра Дарвин считал бесполезными и предназначенными только для привлечения самок. Это могло быть так, если б саблезубый охотился на зайцев, но его добычей были мамонты. В настоящее время восстановлен способ охоты (Дарвину он был неизвестен, отсюда фантазии). Тигр подкрадывался к стаду мамонтов, из засады внезапно протыкал одному из гигантов брюхо и убегал, но недалеко. Мамонты уходили, саблезубый крался за ними до тех пор, пока раненый мамонт не падал, сраженный сепсисом. Когда мамонты вымерли, исчез и саблезубый тигр. Все адаптивно. Ни одного примера неадаптивного признака у млекопитающих Дарвин, как ни старался, привести не смог!

Невероятно, не правда ли? Автор теории естественного адаптивного отбора старательно ищет неадаптивные признаки, опровергая самого себя! Перечеркивая свой замечательный труд, потому что не отдает себе отчета в том, что если половой отбор трактовать не по Уоллесу, т.е. как дополнение к естественному отбору, а придавать ему конкурентное значение, то теория естественного отбора становится бессмысленной! Выбор «или-или» убивает и первое,